

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТИХОТВОРЕНИЯ БОРИСА ПАСТЕРНАКА «ПРОСТРАНСТВО»

Мария Канатова
(Тарту)

Летом 1927 г. Б. Л. Пастернак написал стихотворения «Сирень», «Приближение грозы», «Ландыши», «Любка» и «Пространство». Отправляя их редактору альманаха «Земля и фабрика» С. А. Обрадовичу, поэт в письме от 29 августа 1927 г. пояснил:

Не смотрите на октябрьский материал, как на поэму. Это я говорю Вам как товарищу и поэту. В моем понимании Октябрь шире того трагического пятиактного члененья, при котором событие, переживая катастрофу, годится в рельефные темы для самостоятельной вещи, выводящей это событие как лицо или как предмет, в его сменяющихся перипетиях. Я привык видеть в Октябре *химическую особенность нашего воздуха, стихию и элемент нашего исторического дня* <курсив мой. — М. К.> <...> Стихов об Октябре к юбилею я не собирался вообще писать. С другой стороны, в прямейшие мои планы, не приуроченные ни к каким дням, входило провести свой материал, поэтический и повествовательный, именно через его атмосферу [Пастернак: VIII, 71].

Перечисленные стихотворения (вместо «Любки» поэт отправил стихотворение «История») Пастернак прилагает к письму Марине Цветаевой от 18 сентября 1927 г., подчеркивая: «История у меня вернулась в природу, где ей и подобает быть» [Там же: 79].

В ряду указанных стихотворений, осмысляемых Пастернаком как лирическое единство (по замечанию Е. Б. Пастернака), особого внимания заслуживает стихотворение «Пространство». Поэт определяет это стихотворение как «антологическое», абстрагируясь, таким образом, от социально-политической проблематики. Оно представляет собой квинтэссенцию смыслов всего цикла. Его понимание позволяет подобрать ключ к изучению других пастернаковских текстов второй половины 1920-х гг.

Приведем текст стихотворения:

- I К ногам прилипает наждак.
Долбеж понемногу стихает.
Над стежками капли дождя,
Как птицы, в ветвях отдыхают.
- II Чернеют сережки берез.
Лозняк отливает изнанкой.
Ненастье, дымясь, как обоз,
Задерживается по знаку,
- III И месит шоссейный кисель,
Готовое снова по взмаху
Рвануться, осев до осей
Свинцовую всей колымагой.
- IV Недолго приходится ждать.
Движение нахмуренной выси, —
И дождь, затажной, как нужда,
Вывешивает свой бисер.
- V Как к месту тогда по таким
Подушкам колеи непроезжих
Пятнистые пятаки
Лиловых, как лес, сыроежек!
- VI И заступ скрежещет в песке,
И не попадает зуб на зуб,
И знаясь не хочет ни с кем
Железнодорожная насыпь.
- VII Уж сорок без малого лет
Она у меня на примете,
И тянется рельсовый след
В тоске о стекле и цементе.
- VIII Во вторник молебен и акт.
Но только ль о том их тревога?
Не ради того и не так
По шпалам проводят дорогу.
- IX Зачем же водой и огнем
С откоса хлеща переезды,
Упорное, ночью и днем
Несется на север железо?
- X Там город, — и где перечесьть
Московского съезда соблазны,

- Ненастий горящую шерсть,
Заманчивость мглы непролазной?
- XI Там город, — и ты посмотри,
Как ночью горит он багрово.
Он былью одной изнутри,
Как плоскою, иллюминирован.
- XII Он каменным чудом облег
Рожденья стучащий подарок.
В него, как в картонный кремлек,
Случайности вставлен огарок.
- XIII Он с гор разбросал фонари,
Чтоб капать, и теплить, и плавить
Историю, как стеарин
Какой-то свечи без заглавья.

Обратимся к лирическому сюжету стихотворения.

I. Во время стихающего ливня лирический герой, видимо, идет к шоссе вдоль железной дороги («к ногам прилипает наждак»). Причем лексема «долбеж» характеризует и стук дождевых капель, и работ, проводящихся на железной дороге. Капли дождя на деревьях сравниваются с птицами: «Над стежками капли дождя, / Как птицы, в ветвях отдыхают».

II. Изображение надвигающейся грозы передано через языковую игру. Здесь развивается стершаяся метафора «дождь идет». Дождь зашифрован в образе «обоза». В том же значении включена синтагма «задерживается по знаку». Одновременно образы «обоза» и «знака» задают тему «дороги». Однако «знак» может восприниматься и как указание «свыше».

III. «Обоз» задерживается, чтобы снова отправиться («Готовое снова по взмаху / Рвануться, осев до осей / Свинцовую всей колымагой»).

IV. Дождь вновь начинается, «знаком» оказывается «движенье нахмуренной выси» — видимо, так описываются темные грозовые облака. Дождь сравнивается с долгой нуждой.

V. Лирический герой движется среди деревьев, под которыми видит сыроежки, напоминающие монеты — пятаки. Сыроежки оказываются к месту, как деньги во время «затяжной нужды».

VI. Лирический герой приходит к железной дороге («Железнодорожная насыпь»), на которой ведутся работы, что напомина-

ет о выкапывании могилы. (В русской поэзии сопряжение темы смерти и образа железной дороги является традиционным). Соседство слов «скрежетать» и «зубы» отсылает к евангельскому скрежету зубовному (выражение «скрежет зубовный» означает крайнее горе, мучение). Подобные образы, возможно, восходят к стихотворению Некрасова «Железная дорога»: «...насыпи узкие, / Столбики, рельсы, мосты / А по бокам-то всё косточки русские», «Топот и скрежет зубов; / Тень набежала на стекла морозные... / Что там? Толпа мертвецов» [Некрасов: 110].

VII. Мы выясняем, что лирический герой уже 40 лет наблюдает за этой железной дорогой.

VIII. Под «актом» и «молебном», возможно, имеются в виду торжественные мероприятия, проводимые перед началом учебного года в училище живописи, ваяния и зодчества, в котором преподавал Л. О. Пастернак. Строка «Но только ль о том их тревога?» указывает, что участники этих мероприятий тревожатся не о том, о чем следует.

IX. Герой задается вопросом, зачем же и куда несется поезд. Сам образ поезда, хлещущего «водой и огнем переезды», напоминает о таинстве Крещения (Ср.: «Я крещу вас водою, но идет сильнейший меня <...> он будет крестить вас Духом святым и огнем» (Лк. 3:16)). Тем самым поезд оказывается сопоставлен, а возможно, и противопоставлен участникам молебна и акта, о которых идет речь в предыдущей строфе.

X. Появляется ответ на вопрос «зачем <...> несется» поезд. Поезд едет в Москву. Видимо, образ «тоски о стекле и цементе» из седьмой строфы тоже призван описать эту однозначную направленность поезда к городу.

XI. Образ города соединен с темой истории: «Он былью одной изнутри / Как плошкой, иллюминирован».

XII. Были, которой метафорически освещается город, противопоставляется огарок случайности. «Стучащий подарок» — сердце. Каменное «чудо» города удивляет героя, действует на сердце. Картонный кремлек — детская игрушка, в которую вставляют свечку, город сопоставляется с картонным домиком. Возможно, здесь, в связи с обилием темы «огня», «горения», появляется и мотив пожара 1812 года. (См. ниже о Храме Христа Спасителя у Е. Б. Пастернака. Храм построен в память о победе в войне 1812 года).

ХIII. Представлена картина творящейся истории («плавить / Историю, как стеарин / Какой-то свечи без заглавья»). Город сияет огнями для того, чтобы переплавлять историю, как стеарин безымянной свечи.

Таким образом, предметом стихотворения является история, которая раскрывается отчасти через противопоставление пространств городского и загородного. (О связях стихии, природы и истории у Пастернака см. [Жолковский; Поливанов] и др.). При этом, железная дорога является как бы границей двух миров (как, например, в стихотворении «Вокзал» (1913, 1928): «Границы горюнивший люк», «...с очевидностью рельса / Два мира делились чертой» [Пастернак: I, 330]).

Вероятно, стихотворение «Пространство» имеет и автобиографический пласт. Например, Е. Б. Пастернак пишет в воспоминаниях о прибытии в Москву:

...День отъезда был известен заранее, чтобы отцу успеть к началу занятий, торжественно отмечаемому в актовом зале училища. Именно этот ожидаемый с нетерпением обратный переезд, который он впервые проделал осенью 1891 года, когда отец держал его на руках у вагонного окна и что-то ему под шум колес рассказывал, — впоследствии стал в стихах и прозе Пастернака образом движения, стремительно преодолевающего пространство, и нетерпеливого приближения к цели. <...> Москва предупредила заранее <...> Ожидание завершалось золотым сиянием огромного купола храма Христа Спасителя и Кремлевских соборов [Пастернак Е.: 37–39].

Помимо автоцитат мы обнаруживаем реминисценции из стихотворений других авторов. Заглавный образ «пространство» не встречается в самом стихотворении. Указанная лексема отсылает к книге А. Белого «Пепел» (1908), где слово «пространство» встречается 16 раз.

Обратимся, например, к стихотворению А. Белого «Шоссе» (1904). Стихотворение написано также трехстопным амфибрахией, как и «Пространство» Пастернака. Лирический герой удаляется от города в отличие от героя Пастернака: «За мною грохочущий город». Он тоже наблюдает за дорогой — за шоссе: «В пространство бежит-убегает / Далекая лента шоссе» [Белый: 124]. Герой путешествует пешком, вспоминает «прошедшие дни». Обратимся и к стихотворению А. Белого «Отчаяние» (1904). Стихотворение написано трехстопным амфибрахией и содержит

схожие образы. Сочинение посвящено судьбе России и русского народа. В нем возникает близкое Пастернаку сопоставление волнения в природе с историческими событиями: «...стая зеленых дубов / Волнуется купой подъятой, / В косматый свинец облаков», «И в ветер пронзительно свищет / Ветвистым своим лоскутом» — «...смертей и болезней / Лихая прошла колея», «...в душу мне смотрят из ночи, <...>? / Жестокие, желтые очи / Безумных твоих кабаков». Обратим внимание также на строки «В *пространство* пади и разбейся», «Исчезни в *пространстве*, исчезни, / Россия, Россия моя!» [Белый: 130].

Образ «свечи», прослеживающийся в стихотворении «Пространство», один из ключевых в сборнике Белого «Пепел»: «И вот свеча моя, свеча, / Упала — в слякоти дымится...», как и потухающего/потухнувшего пламени: «Куда мне теперь идти? / Куда свой потухший пламень / Потухший пламень... — нести» («Матери», 1907).

В стихотворении «Пространство» прослеживаются переключки с остальными стихотворениями цикла. Сходство всех пяти текстов состоит в «глобализации» заурядных событий, которым сопутствует мотив оживления неживого. В «Пространстве» город оказывается творцом истории, а в «Ландышах» цветы — символы весны: «Но отведи кусты <...> Весна здесь сказочна, как Углич» [Пастернак: I, 222]. Одновременно образ «ландышей» связан со значимым историческим событием. В стихотворении «Сирень» цветущая сирень и соты сравниваются с грозowymi тучами: «Лиловое зданье из воска, / До облака вставши, плывет» [Там же: 223]. Гроза — глобальное событие, которое состоит из осмысленных действий сил природы: «гром отмыкает кусты», «Ливень въезжает в кассеты», гроза сравнивается с повозкой: «наполняет повозка / Раскатистым воздухом свод» (ср. обоз в «Пространстве»).

В стихотворении «Приближенье грозы» центральным образом становится приближающаяся со стороны города гроза: «Ты близко. Ты идешь пешком / Из города и тем же шагом / Займешь обрыв, взмахнешь мешком / И гром прокаташь по оврагам». Образ «надвигающейся грозы» сопряжен с историческим событием — сражением, которое влияет на творчество героя: «Ногой наткнушь на шар гранаты / И повесть в комнату внесу, / Как в оружейную палату» [Там же: 227]. Сопоставление стихии и исторических событий характерно для Пастернака в это время. Подобное мы

наблюдаем, например, в поэме «Девятьсот пятый год» (1925). В не вошедшей в окончательную редакцию автобиографической повести «Люди и положения» (1956) Пастернак писал: «В это знаменитое лето 1917 года, в промежутке между двумя революционными сроками, казалось, вместе с людьми митинговали и ораторствовали дороги, деревья и звезды» [Пастернак: III, 532]. Работая над стихами, предназначенными в юбилейный альманах, Пастернак не мог обойтись без подобных образов, появляющихся и в поэме «Лейтенант Шмидт», а потом и в «Докторе Живаго».

В стихотворении «Любка» большое место отведено описанию природы после дождя, который также очеловечивается: «Прошелся дождь, как землемер и метчик», а ночь «гитарой брякнунувзначай, / Молочной мглой стоит в иван-да-марье». В последней строфе говорится о воспоминаниях и судьбе, что уже относится к людям и их истории, хотя и в масштабе одной человеческой жизни: «ночной фиалкой пахнет все: / Лета и лица. Мысли. Каждый случай, / Который в прошлом может быть спасен / И в будущем из рук судьбы получен» [Там же: I, 224]. Дождь — это особое, мифологизированное таинство, которое вдохновляет человека, вызывает воспоминания, восстанавливает связь между прошлым и будущим.

Как представляется, во всех этих стихотворениях образ лирического героя обладает сходными характеристиками. Это — герой, который наблюдает со стороны за глобальными событиями, становится их участником. В некоторых случаях это событие является для героя толчком к творчеству, в других само это событие — акт творчества. Сами же стихотворения построены как описания этих переживаний лирического героя; одинаково важным является наблюдение над грозой и совершением истории, что делает эти события схожими.

Стихотворение «Пространство», предназначенное Пастернаком для альманаха в честь десятилетия Октября и обозначенное им как «антологическое», сжато излагает концепцию связи между пространством(-ами), природой, законами природы и историей. С одной стороны, эти связи очевидны и гармоничны, с другой, они глобальны и мистически-пугающи. «Пространство» — не единственный «антологический» текст, написанный Пастернаком с целью «привести свой материал через атмосферу Октября».

ЛИТЕРАТУРА

- Белый: *Белый А.* Собрание стихотворений. 1914. М., 1997.
- Жолковский: *Жолковский А. К.* Поэтика Пастернака. Инварианты, структуры, интертексты. М., 2011.
- Некрасов: *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1929.
- Пастернак: *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2003–2005.
- Пастернак 1989: *Пастернак Б. Л.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1989–1992.
- Пастернак Е.: *Пастернак Е. Б.* Борис Пастернак. Биография. М., 1997.
- Поливанов: *Поливанов К. М.* Пастернак и современники. Биография. Диалог. Параллели. Прочтения. М., 2006.